

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра журналистики и литературоведения
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой Жил
К.В. Анисимов
« ____ » _____ 2019 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ С. ДОВЛАТОВА:
ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ, АВТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ,
КУЛЬТУРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ**

Выпускник

А.М. Киселёва

Научный руководитель

д-р филол. наук, доц. Е.Е. Анисимова

Нормоконтролер

Я.В. Баженова

Красноярск 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ	7
1.1. Образ писателя в литературной критике и литературоведении.....	7
1.2. Литературная репутация в зеркале современной филологической науки	14
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	25
ГЛАВА 2. БИОГРАФИЯ С. ДОВЛАТОВА КАК АЛГОРИТМ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО САМОПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ.....	26
2.1. Биография С.Д. Довлатова: основные сюжеты.....	26
2.2. Довлатов в воспоминаниях современников	28
2.3. Образ писателя в аннотациях издателей.....	39
2.4. Довлатов как культовый автор	41
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	50
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	52
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	55

ВВЕДЕНИЕ

Вплоть до 90-х годов XX века творчество С. Д. Довлатова было мало доступно русскому читателю. Можно сказать, что популярность и признание наступили уже после его смерти, в последние 30 лет. На данный момент в отечественном литературоведении существуют всего несколько монографий («Мифы Довлатова и мифы о Довлатове: проблемы морфологии и стилистики» Г.А. Доброзраковой [Доброзракова, 2008], «Творческая индивидуальность Сергея Довлатова» Ж.Ю. Мотыгиной [Мотыгина, 2006] и «Семиотические и фольклорные модели смехового мира Сергея Довлатова» Н.А. Орловой и А.Ф. Петренко [Орлова, Петренко, 2011]) и два десятка научных работ. В связи с этим необходимо отметить недостаточную изученность творчества писателя, процесс исследования его личности и творчества только начинается.

Настоящая работа посвящена изучению литературной репутации С.Д. Довлатова. Понятие «литературная репутация» возникло в 1928 г., когда И. Н. Розанов издал работу «Литературные репутации», где обосновал необходимость изучения этого вопроса. Данная тема до сих пор недостаточно проработана и совсем не привлекала внимания историков русской литературы в отношении личности и творчества Довлатова.

Научная новизна данного исследования состоит в попытке комплексного анализа литературной репутации С. Довлатова, что позволит создать более полное представление о самом авторе и его образе у читателя.

Объект исследования – закономерности формирования литературной репутации писателя.

Предмет исследования – этапы и механизмы формирования литературной репутации С. Довлатова.

Актуальность исследования обусловлена тем, что данная работа строится на пересечении таких научных направлений, как социология

литературы (работы Б.В. Дубина, С.Н. Зенкина [Дубин, 2010; 2011; Зенкин, 2011]), семиотика бытового поведения ([Лотман, 1992; Рейтблат, 2001]) и современное довлатоведение ([Доброзракова, 2008; Мотыгина, 2006; Орлова, Петренко, 2011]).

Цель работы – всесторонне исследовать процесс формирования литературной репутации С. Довлатова.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**.

1. Систематизировать современные научные представления об образе автора.

2. Исследовать понятие «литературной репутации».

3. Выявить существующие классификации литературной репутации.

4. Проследить закономерности создания литературной репутации Довлатова.

5. Выявить в биографии и творчестве Довлатова основные жизнетворческие жесты, события и обстоятельства, повлиявшие на создание его литературной репутации.

6. Проанализировать мнения современников, выделить общее и уникальное в характеристиках писателя.

7. Определить жизнетворческие стратегии культурные механизмы, повлиявшие на статус писателя.

8. Проанализировать способы создания авторской репутации у С. Довлатова.

9. Сформулировать основные слагаемые литературной репутации Довлатова на данный момент.

Материалом исследования послужили источники формирования литературной репутации: тексты автора (художественные и не художественные, особенно автокомментарии к собственному творчеству),

письменные высказывания современников о нём (статьи, биографии, мемуары), а также артефакты почитания писателя (памятники, фильмы, мемориальные доски и т.д.).

Теоретико-методологической основой являются работы, посвященные понятию литературной репутации: «Литературная репутация» И.Н. Розанова [Розанов, 1990], «Теория литературы» В.Е. Хализева [Хализев, 1999], «Классик – звезда – модное имя – культовая фигура: О стратегиях легитимации культурного авторитета» [Дубин, 2011] и «Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре» [Дубин, 2010] Б.В. Дубина и «От текста к культуре» С.Н. Зенкина [Зенкин, 2011].

Методология исследования обусловлена его междисциплинарным характером. В данной работе использованы как литературоведческие исследования творчества С.Д. Довлатова, так и материалы междисциплинарных исследований по социологии литературы, проблемам взаимодействия текста и аудитории, литературных репутаций и иерархий.

Апробация. Основные результаты исследования были представлены на международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (Красноярск, 2019).

Работа состоит из введения, 2 глав, заключения и списка использованной литературы. Библиографический список включает 88 источников, из них – 1 на иностранном языке. Количество страниц в работе – 62.

Во введении были обозначены объект и предмет исследования, сформулированы цели и задачи, указана актуальность и новизна работы, кратко описана теоретико-методологическая основа.

Первая глава «Понятие литературной репутации в современном литературоведении» включает в себя анализ образа писателя и обзор авторских концепций литературной репутации. Вторая глава «Биография

С. Довлатова как алгоритм социокультурного самопозиционирования» включает в себя исследование биографии писателя с систематизацией значимых для творческой деятельности эпизодов, анализируется его образ в воспоминаниях современников, подкрепляется материалом из художественной прозы самого автора, доказывается культовый статус Довлатова, отмечаются тенденции к становлению классиком, выносится суждение о том, что юмористический характер литературы Довлатова деканонизирует, мешает стать классическим автором. В Заключении содержатся выводы проведенного исследования и намечаются перспективы исследования.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

1.1. Образ писателя в литературной критике и литературоведении

Литературная репутация писателя формируется, по меньшей мере, в два этапа: прижизненном и посмертном. При жизни автора его образ уже складывается в литературной критике, жизнетворческих актах и, конечно, в его текстах (художественные сочинения, личная переписка, публицистика, дневники и т.д.). Посмертно образ создается в некрологах, биографиях, воспоминаниях современников, юбилейных мероприятиях и во многом другом. Исследуя все эти источники, мы можем увидеть этапы формирования, стратегии, изменения литературной репутации. Далее мы попытаемся рассмотреть зарождение интереса к этому вопросу и его развитие в литературоведении.

Исследование языка художественной литературы в отечественной филологии является одной из главных задач и с каждый годом интересует всё больше учёных. Как пишет В.В. Виноградов, эта задача получает разнообразное теоретическое обоснование только в советскую эпоху [Виноградов, 1971: 105]. Основные проблемы изучения языка художественной литературы – это стиль художественного произведения и стиль самого писателя. Каждая из этих проблем связана с уникальностью языка конкретной книги или автора. Нас в этой работе интересует второе.

В древней и практически во всей средневековой словесности отсутствовало понятие об уникальности, об образе автора. В литературе последующих эпох образ автора, конечно, более явно проявляется в его

тексте. Писателю эпохи сентиментализма и предромантизма уже было ясно, как заявлял Карамзин в статье «Что нужно автору» 1794 года, что «творец всегда изображается в творении и часто – против воли своей» [Карамзин, 1964: 120].

В.Г. Белинский в своей статье «Русская литература в 1843 году» писал: «Слог – это сам талант, сама мысль. Слог – это рельефность, осязаемость мысли: в слоге весь человек; слог всегда оригинален как личность, как характер. Поэтому у всякого великого писателя свой слог: слога нельзя разделить на три рода – высокий, средний и низкий: слог делится на столько родов, сколько есть на свете великих или по крайней мере сильно даровитых писателей» [Белинский, 1948а: 604].

Во «Взгляде на русскую литературу 1847 года» он продолжает свою мысль: «Может ли поэт не отразиться в своем произведении как человек, как характер, как натура, – словом как личность! Разумеется, нет, потому что и сама способность изображать явления действительности без всякого отношения к самому себе – есть опять-таки выражение натуры поэта» [Белинский, 1948б: 792].

Также он первый заявил, что в «Евгении Онегине» структурно-художественным центром романа является образ автора. Он писал: «...Можно указать слишком на немногие творения, в которых личность поэта отразилась бы с такой полнотой, светло и ясно, как отразилась в “Онегине” личность Пушкина. Здесь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здесь его чувства, понятия, идеалы. Оценить такое произведение значит – оценить самого поэта во всем объеме его творческой деятельности» [Белинский, 1948в: 495].

И. И. Лапшин в своем труде «Художественное творчество» 1922 года при обсуждении вопроса об образе автора в развитии европейского романа XIX столетия ссылается на постановку этой проблемы в книге Ф. Шпильгагена, в которой звучит мысль о том, что в современном романе

центральным лицом является или автор, или родственная ему по духу натура [Лапшин, 1922].

А.Н. Соколов в своей работе «Теория стиля» 1968 года пишет: «Понятие “образ автора” требует дальнейшей разработки. Как оно преломляется в других искусствах, где отсутствует его “речевая структура”? Во всяком ли литературном произведении можно найти образ автора, или иногда приходится говорить только о выражении авторской личности в произведении, об авторской “призме”, через которую преломляется изображаемое, о позиции автора? Но как бы ни решать эти вопросы, несомненно, что образ автора или авторская личность являются одним из важнейших и определяющих “компонентов” литературного и вообще художественного произведения» [Соколов, 1968: 156]. А.Н. Соколов также говорит и о «печати» авторской личности. «Образ автора – это выражение личности художника в его творении... это не стиль, и не личность является основой стилевого единства в искусстве. Эту основу надо искать в эстетических и идеологических предпосылках стиля. Нисколько не принижая значения творческой личности, мы рассматриваем ее как особое и самостоятельное условие художественного и, в частности, стилевого своеобразия. Личность придает стилю индивидуальное своеобразие, но осуществляется это не непосредственно и не помимо факторов, а через посредство всех тех факторов, которыми определены основные черты художественной оригинальности. Своеобразие, придаваемое стилю творческой личностью, как бы наслаивается на своеобразие, создаваемое стилеобразующими факторами» [Там же: 156–157].

Образ автора не присутствует в структуре художественного произведения прямо, это скорее вся суть произведения, включающая в себя и персонажей, и идею, и стилистику. Важно отметить, что рассказчик не есть автор, это, по словам В.В. Виноградова, «речевое порождение автора и форма его литературного артистизма» [Виноградов, 1971: 118].

Вольф Шмид в своем труде «Нарратология» пишет о том, что образ отправителя, имеющийся во всяком сообщении, основывается на экспрессивной функции языка. Под этим имеется в виду то невольное самовыражение говорящего, которое имеет место во всяком речевом акте. «В нем также при помощи симптомов, индивидуальных знаков выражается автор. Результат этого семиотического акта, однако, не сам конкретный автор, а образ создателя произведения, воплощенный в его творческих актах» [Шмид, 2003: 25].

У самих писателей тоже было своё мнение на этот счёт. В 1856 году в дневнике Л.Н. Толстой пишет: «Хорошо, когда автор только чуть-чуть стоит вне предмета, так что беспрестанно сомневаешься, субъективно или объективно» [Толстой, 1937: 190].

У знаменитого романтика 20–30-х годов XIX в., декабриста А. А. Бестужева-Марлинского в очерке «Путь до города Кубы» говорится: «Пускай что ни говорят, а книга и сочинитель – одно и то же лицо, только в разных переплетах. Стало быть, как бы сочинитель не вытерт был подражанием, как ни хотел он скрываться умышленно, настоящий цвет его кожи пробьет где-нибудь сквозь заемные белила; где-нибудь он промолвится наречием души» [Бестужев-Марлинский, 1958: 200].

В. Б. Катаев в статье «К постановке проблемы образа автора» пишет, что «видеть возможность только лингвистического описания образа автора было бы неверно. Человеческая сущность автора оказывается в элементах, которые, будучи выражены через язык, языковыми не являются» [Катаев, 1966: 40].

Мы можем подытожить, что много литературоведов и писателей склонялись к тому, что образ или стиль автора существует, и он есть неотъемлемая часть произведения, которая влияет в числе прочего и на формирование литературной репутации писателя.

Одним из первых шагов в изучении именно феномена литературной репутации была статья Б.В. Томашевского 1923 года «Литература и биография» [Томашевский; цит. по Мельников, 2003: 11]. Там он выделял два типа авторов: «с биографией» и «без биографии». Делил он их по степени влияния личности автора на текст.

Сам термин «литературная биография» подобрал И.Н. Розанов. В 1928 г. московский профессор Розанов написал книгу под названием «Литературные репутации». В ней исследователь утверждает, что теория литературных репутаций должна исследовать факторы успешности и создать классификацию репутаций, а история в этой области должна изучить факты биографий и разобраться в их социологических причинах [Розанов, 1990: 16]. Розанов в нескольких небольших статьях предложил варианты описания литературных репутаций поэтов (Пушкина, Тютчева, Бенедиктова и др.). В советские годы работа по этому вопросу почти не велась, активная научная деятельность началась только в последние десятилетия.

Это можно увидеть в книге А.И. Рейтблата «Как Пушкин вышел в гений: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи». Рейтблат пишет, что «существование литературных репутаций необходимо для структурирования литературной системы, поддержания внутрилитературной иерархии, обеспечивающей ее функционирование и динамику» [Рейтблат, 2001: 52]. Учёный с литературной репутацией связывает «представления о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы, свойственные значительной части ее участников (критики, литераторы, издатели, книготорговцы, педагоги, читатели). Литературная репутация в свернутом виде содержит характеристику и оценку творчества и литературно-общественного поведения писателя» [Там же: 52].

Развивая мысль Рейтблата, И. Е. Гитович литературную репутацию соотнесла со «сложившимся в общем культурном сознании мнением

о писателе и его месте в литературной иерархии, так или иначе влияющим на установку восприятия его следующими поколениями» [Гитович, 2005: 15].

Можно сказать, что становление литературной репутации любого писателя начинается с момента появления суждений и оценок современников о нем. Конечно, это вовсе не означает, что репутации, утвердившиеся в сознании современников (или в какой-то их части, группе), остаются неизменными. Нужно обратить внимание на то, что в формировании литературной репутации определенную роль могут сыграть не только посторонние суждения и оценки, но и сам автор, который так или иначе реагирует на современную ему критику.

Л.Ф. Луцевич замечает, что «факторы, обуславливающие литературную репутацию писателя, непременно соприкасаются с рецептивностью. Что касается “авторецепции”, то под этим можно понимать восприятие писателем своего собственного отдельного произведения или творчества в целом, его истолкование, комментирование, оценки, пропаганду и т.д., то есть самые различные формы самооценок и способы автorefлексии» [Луцевич, 2013: 177]. По её мнению, авторецепция может принимать различные письменные формы. Например, автор может играть роль художника, который воссоздает реальную историю написания своих произведений и реакции современников на него (см. Ф.М. Достоевский «Униженные и оскорбленные»). Он может взять на себя задачу литературного критика и авторецензента (см. Л.Н. Толстой «Несколько слов по поводу книги “Война и мир”»). Или автор может создавать эго-документы, например, дневники (см. дневник М.А. Кузьмина, который он вёл на протяжении 30 лет), мемуары или исповеди. Такие автокоммуникативные тексты особенно надежны для нас как источник.

Ю.М. Лотман в своей статье «Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора)» делит авторов на людей с биографией (кто-то, чьи деяния

сохраняются для потомков намеренно) и без биографии [Лотман, 1992]. То есть он не говорит, у кого литературная репутация шире и интереснее, а просто у кого она есть, а у кого – отсутствует. По его мнению, добровольный выбор стратегии поведения, которая не соответствует принятым в это время в обществе – чаще всего характеристика носителя биографии. Культура запоминает как правила, так и их нарушения, но вторые более конкретны и именно из них получаются биографии. Потребность сохранить эту биографию – культурный императив. Изначально создателю биографии/текста невозможно было быть человеком с биографией, он являлся промежуточным звеном, находящимся ниже иерархически. Когда же семиотическая ситуация изменилась, то автор перестал быть пассивным носителем информации, он стал создателем с активной ролью в тексте. Соответственно текст перестает восприниматься как истинный, ведь его начинает создавать человек со свободой выбора. После этого, особенно в XIX веке, стали говорить, что писатели не просто люди с биографией, а они творцы своей биографии, это становится такой же целью, как художественное творчество. Ю.М. Лотман обращает внимание на то, что начинают появляться псевдobiографии (Козьма Прutков) или возникают мифы вокруг «безбиографичных» поэтов (И.А. Крылов) [Там же: 371].

Нормы биографии писателя складывались постепенно. В XVIII веке первый шаг внесения биографии писателя в культуру состоял в уравнении его с государственным служащим. В XIX веке главенствует представление, что в произведении главное – биография человека его создающего. От писателя требовался героизм и жертвенность. В.Г. Белинский писал: «Публика тут права: она видит в русских писателях своих единственных вождей» [Белинский, 1953: 249]

Это обязывало автора делать в жизни всё то, что он проповедовал в книгах. Писатель занял место святого. Как замечает исследователь

М.Б. Плюханова: «Канон агиографии оказывается выражением архетипа идеализирующей биографии вообще» [Плюханова, 1991: 125].

Далее, отталкиваясь от всех вышеперечисленных мыслей и научных работ, предлагаем рассмотреть историю вопроса литературной репутации и её классификации.

1.2. Литературная репутация в зеркале современной филологической науки

История специального изучения литературной репутации начинается с монографии И.Н. Розанова 1928 года «Литературные репутации». Автор работы утверждает, что в каждую литературную эпоху кардинально расходятся предпочтения и взгляды старшего и младшего поколений. Новички отталкиваются от старших: прошлые литературные кумиры развенчиваются, пересматриваются репутации писателей и их произведений. Розанов видит в этом способ преодоления застоя в литературной жизни, условие ее «далнейшего движения» [Розанов, 1990]. Чем эффектнее писатель/поэт заявляет о собственной оригинальности и новизне, тем быстрее и легче он получает свою долю признания у современников. Розанов писал, что если автор-новатор «идет без шума своей дорогой», то его долгое время не замечают. Тогда как «звонко ударяя веслами по зацветшей траве», он вызывает неприятие и раздражение консерваторов, что порождает «кривые толки, шум и брань», следовательно, так он завоёвывает всеобщее внимание, обретает славу и становится авторитетом. Вспомним, что иногда оказывается, что «глотка важнее головы» (например, шумные выступления футуристов) [Там же: 18]. Важно и поощрение писателей официальными властями, влиятельными людьми, массмедиа.

В 1982 году выходит статья французского социолога Пьера Бурдье «Поле литературы» [Бурдье, 2000], которая закладывает основы понимания

литературных иерархий и причин, влияющих на создание писательских репутаций. Исследователь заявляет, что невозможно выяснить, как тот или иной писатель стал собой, не учитывая его социальное происхождение и наличие вакантных позиций в литературном поле. Бурдье говорит о двойкой зависимости иерархии от успеха (экономического и измеряемого в количестве аудитории). Успех не всегда отражает художественную значимость автора, он может девальвироваться плохим качеством публики, а может перерасти в канон. Неуспех же может быть как добровольным в связи с отрицанием сложившихся институций (далее такое отрицание может «освятить» писателя и высоко закрепить его в иерархии), так и претерпеваемым поневоле. Далее социолог развивает мысль о неспособности писателей воздействовать на восприятие их произведений: «Производителем ценности книги или картины является не автор, а поле производства. <...> Произведение искусства существует как символический объект, представляющий ценность, только когда оно распознано и признано» [Бурдье, 2005: 401]. Бурдье пишет о том, что в организации литературного поля есть две тенденции: автономность и гетерономность. Гетерономный принцип подразумевает перевес сил на стороне агентов, обладающих политической властью и богатством. Автономный принцип предполагает веру в «искусство ради искусства», т.е. ситуацию, в которой экономически успешный писатель будет под подозрением в художественной слабости. «Чем автономнее поле, тем жестче негативные санкции (дискредитация, отлучение и так далее), применяемые к гетерономным практикам, таким как прямое подчинение политическим директивам или даже эстетическому или этическому спросу» [Там же: 377]. В участников производства ценности произведения он записывает критиков, историков, издателей, коллекционеров, различные инстанции и министерства, учителей и даже родителей. Также ученый говорит о том, что каждые новые произведения, авторы и школы смещают иерархию, но

невозможно предугадать в какой части будет сдвиг. Сдвиг как приводит какую-то литературу к канону, так и потом приводит канон к банализации. Новаторы всегда пытаются максимально преодолеть предыдущее поколение, но тем самым и отдают дань прошлому, так как вся их борьба завязана на противоречии сложившемуся, а, значит, невозможно оценивать это не в исторической парадигме.

Говоря о литературной репутации в современной научной перспективе, можно обратиться к истории разделения литературы и классификации Б.В. Дубина [Дубин, 2010; 2011]. Он делит авторов с биографией на классиков, звезд, модные имена и культовые фигуры. Исследователь пишет, что в конце XVIII в. «постепенно распадается просветительский институт литературы и возникает новый, в котором интерес к жизненно-практическому содержанию литературы сужается и продолжает жить уже как интерес к личности автора, в то время как литературные произведения, став автономными, высвобождаются из всех жизненно-практических связей» [Дубин, 2010: 23]. Сам текст перестаёт прямо воздействовать на читателя. Возникает проблема «соотношения норм восприятия, заложенных в самом произведении, и его исторически осуществленной рецепции» [Там же: 23]. С автономизацией литературного процесса значимость переходит с отдельного произведения на творчество писателя в целом. Появляется идея «гения», у которого имеются свои символы идентичности. Вместе с тем «автономизация искусства и смещение интереса публики знаменуют начавшееся к концу XVIII в. расслоение литературной общественности. Широкие слои читателей, отвернувшись от автономной литературы, обратились к развлекательной, которая могла принести реципиентам удовлетворение тех запросов, в которых отказывало им теперь автономное искусство, – ориентаций на практические жизненные вопросы» [Там же: 23].

Вслед за подчёркнутым разделением классической и массовой литературы, романтики отказываются от абсолютного эталона в лице

классического наследия. Как пишет Дубин: «они лишают классику каких бы то ни было содержательных ограничений, наделяя любой локальный образец качеством условной значимости для авторской субъективности» [Там же: 23].

В современном мире людей учат морали и человеческим законам именно по произведениям школьной программы, с помощью которых личный опыт кодируется в общезначимых категориях культуры. Часто это ведёт к тому, что классическая литература и язык её анализа воспринимается только как «школьный», по большей части «чужой». Дубин замечает, что такую ситуацию можно трактовать как «“неразвитость” мотивов выбора, критериев оценки, типа восприятия у массового читателя» [Там же: 39].

Формирование классики одними практически немедленно вызывает противодействие со стороны оппозиционеров классики. Вторые ищут новые способы определений значимости литературы и творчества вообще – «через апелляцию к “жизни” (“реализм”, “натурализм”), к “современности”, смысловому озарению и прорыву (“модернизм”)» [Там же: 98]. Возникает парадокс: классикой становится антиклассика, которая нарушает привычный порядок в эстетическом, этическом и социальном плане. Достаточно вспомнить, что база современной литературы вся состоит из неклассических жанров. Дубин выделяет два режима существования классического образца: учреждение (признание, удостоверение, награждение) и поддержание (репродукция, передача через пространство и время, через социальные и культурные границы – поколения, языки).

Принципиально другую композицию авторитета, по сравнению с классиком, Дубин видит в типологической фигуре звезды: «это носитель и символ актуального успеха и признания» [Там же: 104]. Одной из характеристик можно считать узнаваемое «лицо» и намеренное создание «биографии» самим автором (например, Есенин или Маяковский). Также это часто сочетается с авторским культом собственной личности (Маяковский

может быть опять же показательным примером). На текстовом уровне у «звёзд» часто присутствуют «общие места», крылатые слова, подчеркнутая «вторичность» (например, романовость, плакатность, journalism, использование форм частушки, песни): некие механизмы связи «индивидуального» и «массового». Звезды являются новой элитой в условиях массового общества. Премии, празднества, ритуалы «меморизации» закрепляют их позиции. Модный автор оказывается кандидатом в звезды, звезда же – предположительный кандидат в классики. Характерная формула общественного признания здесь, по словам Дубина, – «проснулся знаменитым»: таковы Байрон, Бальзак, Диккенс или Северянин [Дубин, 2010: 104]. Мода устанавливается на то, что отвечает на запрос общества в конкретный момент. Количественный аспект так же играет большую роль для звёзд и модных авторов. Невозможно их представить без огромных тиражей и упоминаний в средствах массовой информации.

Дубин указывает, что в последние годы исследователями нередко используется понятие культовая фигура. Он видит в подобном «культе» символическую самозащиту локальных и маргинальных групп. Характеристика «культа» – это намеренное сужение рамок оценивания, миниатюризация ценного объекта, например, уменьшительные имена – Веничка Ерофеев. Целью культового автора не стоит популярность, массовость, а скорее приобщение, посвящение избранных читателей. «Текст культового автора – не столько средство коммуникации, сколько ее символ, символ общности отличающихся людей» [Там же: 105]. Культ перерастает так же в культивантиколичества. Культовый автор часто есть автор одной книги (например, Харпер Ли с романом «Убить пересмешника» или Грибоедов с комедией «Горе от ума» до своего посвящения в классики). Закрытая культура как бы возвращается к устности, отказу от тиражирования. Происходит стирание границ между личным и общим, интимным и публичным. Культовым автором становится безвременно

умерший, психически нездоровый, самоубийца, маргинал или девиант (например, Артур Рэмбо). Подчеркивает антижанровость текста: его нарочитый непрофессионализм, небрежность. Премии, вручаемые таким авторам, являются так же механизмом обосабления, они подчеркнуто элитарны. Описания групп или поколений этих авторов нередко фигурируют при этом в негативном залоге (растратившее, погибшее, незамеченное).

Далее посмотрим, как В.Е. Хализев в своей работе «Теория литературы» делит писателей на классиков и авторов массовой литературы [Хализев, 1999]. Классики для ученого это «первый ряд, вершина всех сокровищ языка» [Там же: 360]. Суть классической литературы он видит в её активном включении в межэпохальные (трансисторические) диалогические отношения. Возведение автора в классики практически невозможно современниками, они лишь выдвигают кандидатуру, а потомки и время решают. При жизни классик мог быть не оценен по достоинству (например, К.Н. Батюшков), а забытые ныне авторы высоко оценивались (например, Н.В. Кукольник или С.Я. Надсон). Ещё важно отметить, что часто книга, воплотившая мысли и потребности исторического момента, нашедшая отклик у современников писателя, позже перестаёт быть востребованной у читателей, становится достоянием истории литературы, представляющим интерес только для исследователей (например, повесть В. Сологуба «Тарантас»).

Границы между классикой и «неклассикой» в составе литературы прошлых эпох размыты и изменчивы. На настоящее время Е.А. Баратынский воспринимается как поэт-классик, но долгое время этот современник Пушкина пребывал во «втором ряду» (вместе с В.К. Кюхельбекером). Классику часто именуют канонизированной литературой. В.Б. Шкловский, говоря о прославленных русских писателях XVIII–XIX вв., иронизировал по поводу «литературных святых, которые канонизированы» [Шкловский, 1990: 120].

Также бывает искусственное возведение литературы в ранг классической официальными властями. Вспомнить мы можем Н.А. Островского. Написав своё главное произведение «Как закалялась сталь», далее он создал на заказ «нужное» произведение «Рожденные бурей», совсем не обладающее особыми художественными достоинствами. Но всё равно оно было признано невероятно важным для патриотического воспитания, вошло в школьную программу наравне с классической литературой. Также существовала и литература, которая и без одобрения власти нашла бы своего читателя, но была выгодна правлению и этим активно пользовались. Яркий пример тому приводит Хализев – директивно прозвучавшая в 1935 г. фраза И.В. Сталина о том, что Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи. Можно упомянуть и о присуждении «нужным» писателям премий имени Сталина.

Мы видим, что классика учреждается именно институтами официальной власти. С.Н. Зенкин в своей книге «Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель» перечисляет их: «собственно государство; профессиональные объединения (например, академии, которые присваивают премии за выдающиеся произведения и принимают в свои члены выдающихся людей); школы и университеты, которые преподают и передают из поколения в поколения классические произведения; даже некоторые научные учреждения, которые занимаются изучением этих произведений» [Зенкин, 2011: 134]. Заметим, что пресса и реклама не обладают достаточной властью для создания классика (максимум – культового или модного автора), у них нет таких санкций.

Напротив, литературная репутация в большинстве своём возникает неожиданно, без разрешения со стороны власть имущих, и может зависеть от случайных факторов, например, смерть (А.С. Пушкин, который погибает на дуэли из-за чести жены) или судебное разбирательство (И.А. Бродский, которого наказывали за «антисоветчину»). Репутация формируется

интересами и мнениями читающей публики чаще на протяжении длительного времени, но всегда ее свободным выбором. В качестве иллюстрации можно привести слова Б.Л. Пастернака о А.А. Блоке (стихотворение «Ветер» 1953 г.): «Прославленный не по программе // И вечный вне школ и систем, // Он не изготовлен руками // И нам не навязан никем» [Пастернак, 1989: 98].

В составе литературной классики Хализев различает авторов, которые обрели всемирную непреходящую значимость (Гомер, Данте, Шекспир, Гете, Достоевский), и национальных классиков – писателей, имеющих наибольшую авторитетность в литературах отдельных народов (в России это Крылов, Пушкин и т.д.). Помимо классики Хализев говорит о массовой литературе и дает следующее определение: «Массовая литература – это совокупность популярных произведений, которые рассчитаны на читателя, не приобщенного (или мало приобщенного) к художественной культуре, невзыскательного, не обладающего развитым вкусом, не желающего либо не способного самостоятельно мыслить и по достоинству оценивать произведения, ищущего в печатной продукции главным образом развлечения» [Хализев, 1999: 365]. Также он отмечает, что в английской литературной традиции её чаще именуют «популярной», в немецкой – «тривиальной», а во французской – «паралитературой». На последнем термине он останавливается и даёт характеристику.

Паралитература создаётся для читателей с ограниченным мышлением, примитивными стереотипами и желающими жить по стандарту. В соответствии с этим герои паралитературных произведений лишены ярких характеров, но зато там присутствует динамично развивающееся действие и множество невероятных ситуаций. Паралитература – детище индустрии духовного потребления. Хализев приводит пример: «В Германии, например, производство “тривиальных романов” в буквальном смысле слова поставлено на конвейер: Издательство выпускает в месяц определенное

количество названий тривиальных романов того или иного жанра (женский, детективный, вестерн, приключенческий, научно-фантастический, солдатский романы), строго регламентированных в смысле сюжета, характера, языка, стиля и даже объема (250–272 страницы книжного текста). Для этого оно содержит на договорных началах авторов, которые регулярно, в заранее спланированные сроки поставляют редакции рукописи, отвечающие предуказанным кондициям. Эти рукописи издаются не под именем автора, а под каким-нибудь звучным псевдонимом, который принадлежит так же, как и рукопись, издательству. Последнее имеет право, не согласовывая с автором, исправлять и переделывать рукописи по своему усмотрению и выпускать рукописи разных авторов под общим псевдонимом» [Там же: 368]. Таким образом, авторское начало уничтожается в самом процессе производства паралитературы.

Разделить далее массовую литературу автору кажется перспективно на некий литературный низ и беллетристику как срединную область. «Беллетристика – это литература “второго” ряда, необразцовая, неклассическая, но в то же время имеющая неоспоримые достоинства и принципиально отличающаяся от литературного “низа” (“чтива”), т.е. срединное пространство литературы» [Там же: 369]. Беллетристика, следует отметить, имеет две стороны одной медали. С художественной точки зрения она не обладает ничем самобытным, но нельзя не отметить, что на момент написания она чаще всего актуальна, обсуждает вопросы, волнующие читателей именно в данный период.

В.Г. Белинский указывал, что такая литература выражает «потребности настоящего, думу и вопрос дня» [Белинский, 1955: 161]. В качестве примера такого автора-беллетриста можно привести В.И. Немировича-Данченко, чьи произведения выпускались большими тиражами в 1880–1910-х годах. По прошествии лет можно сказать, что он не сделал каких-либо художественных открытий, был склонен к штампам, но всё же был внимателен к

национальной жизни и судьбам людей. Беллетристика, активно откликающаяся на повестку дня, оказывается значима не только для современников, но и для осмысления историками общественной и культурной жизни прошлого. В этом случае она является неким зеркалом эпохи, через которое легче установить черты времени.

Говоря о подражательности и эпигонстве беллетристики, М.Е. Салтыков-Щедрин отмечал, что «участь всех сильных и энергических талантов – вести за собой длинный ряд подражателей» [Салтыков-Щедрин, 1967: 385]. Можно вспомнить произведения, последовавшие за смелой и успешной повестью Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» – например, «Бедная Маша» И.А. Ефимовича.

Отметим, что художественное наследие классиков, как правило, представлено не только шедеврами, с которыми они преимущественно ассоциируются у широкой публики. Особенно часто первые произведения носят подражательный характер, так как в начале творчества любой писатель вдохновляется другим (можно вспомнить поэму «Ганц Кюхельгарден» Н.В. Гоголя, чьим источником послужила идиллия «Луиза» И.Г. Фосса). Бывают и обратные ситуации, когда автор уже успешный начинает самоповторяться (например, на взгляд Хализева, это А.А. Вознесенский).

Стабильность литературных репутаций чаще всего неизменна. Гомер или Достоевский вряд ли когда-то уйдут с олимпа писателей, а какой-нибудь неизвестный автор XIX в. станет классиком. Но бывают и исключения: долгое время не получала высокой оценки поэзия Ф.И. Тютчева, а И. Северянин, который сейчас находится на периферии литературной жизни, был невероятно популярен у современников.

В.Е. Хализев говорит о том, что изменения литературных репутаций не бывают случайны, и существуют определенные факторы литературного успеха. Это и изменение читательских ожиданий в зависимости от окружающего мира, повестки дня, и расхождение вкусов старшего и

младшего поколений. Но необходимо признать, что главным единственно надежным фактором прочного успеха у читателей является «сполна реализовавший себя писательский талант, масштаб личности автора, самобытность и оригинальность его произведений, глубина “творческого созерцания реальности”» [Хализев, 1999: 376–377].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Мы проследили историю появления «образа автора», изучили мнения разных исследователей и писателей по этому вопросу. Мнение большинства сходится на том, что образ автора всегда виден в его произведении, он как бы проявляется по ходу повествования.

Далее мы рассмотрели сам термин «литературная репутация». Впервые он был обозначен в монографии 1928 года И.Н. Розанова «Литературная репутация». В качестве основного мы используем определение «литературной репутации» А.И. Рейтблата. Исследователь рассматривает литературную репутацию как «представления о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы, свойственные значительной части ее участников (критики, литераторы, издатели, книготорговцы, педагоги, читатели); в свернутом виде характеристика и оценка творчества и литературно-общественного поведения писателя» [Рейтблат, 2001: 52]. На наш взгляд, образ автора является ключевым слагаемым на этапе формирования прижизненной репутации писателя в целом и С.Д. Довлатова в особенности.

Также мы приняли во внимание теорию «литературного поля» П. Бурдье, отталкиваясь от которой, для полного изучения места автора в иерархии, нам будет необходимо обратить внимание на экстраполитературные факторы. Изучив классификации литературной репутации Б.В. Дубина и В.Е. Хализева, мы пришли к выводу, что наиболее полную и развернутую классификацию предложил Б.В. Дубин: автор-классик, культовый автор, модный автор и автор-звезда. Во второй главе мы будем использовать эту классификацию.

ГЛАВА 2. БИОГРАФИЯ С. ДОВЛАТОВА КАК АЛГОРИТМ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО САМОПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ

2.1. Биография С.Д. Довлатова: основные сюжеты

В биографии С.Д. Довлатова [Большая российская энциклопедия, 2007: 172] можно выделить два главных момента, интересующих нас в связи с его творчеством: это обстоятельства, при которых будущий писатель попал в интеллектуальную бодемную среду Ленинграда, во-вторых, обстоятельства его эмиграции. Также наше внимание привлекли эпизоды биографии, из которых впоследствии родились произведения писателя: это проживание в Эстонии и сборник «Компромисс», служба в армии надзирателем и повесть «Зона», работа экскурсоводом в Пушкинском заповеднике и повесть «Заповедник».

Сергей Донатович Довлатов (по паспорту Сергей Донатович Довлатов-Мечик) родился 3 сентября 1941 года в Уфе. В 1959 году Довлатов поступил на кафедру финно-угорских языков филологического факультета Ленинградского государственного университета имени Жданова. Проучился он два с половиной года и был отчислен за неуспеваемость. Во время учёбы подружился с молодыми ленинградскими поэтами Евгением Рейном, Анатолием Найманом, Иосифом Бродским. Учёба в ЛГУ подарила ему широкий круг знакомых, объединенных любовью к искусству. «Я познакомился с Бродским, Найманом, Рейном. В дальнейшем узнал их лучше. <...> Почему же так важно упомянуть эту группу? Я уже тогда знал о существовании неофициальной литературы. О существовании так называемой второй культурной действительности. Той самой действительности, которая через несколько лет превратится в единственную реальность...» [Довлатов, 2000: Т 3. 16]

Благодаря этому он был знаком со всем новейшими отечественными новинками в литературе, живописи, скульптуре и т.д. Также он мог получить отклик на своё творчество, т.к. печататься в это время у него возможности не было.

С 1962 по 1965 год Довлатов служил в армии, в системе охраны исправительно-трудовых лагерей на севере Коми АССР. Результатом этих событий стали заметки, положившие основу сборника «Зона», и письма к родным, которые ныне представляют большой интерес для исследователей и поклонников творчества писателя. Также служба надзирателем оказалась неблагоприятным фактом биографии, породила ругательные слухи. Сам писатель об этом рассказывает в «Марше одиноких»: «Распространилась легенда, что я, будучи тюремным надзирателем, физически бил Солженицына. Хотя, когда Солженицына посадили, мне было три года» [Довлатов, 2016: 10].

После демобилизации Довлатов поступил на факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Он входил в ленинградскую группу писателей «Горожане» вместе с В. Марамзиным, И. Ефимовым, Б. Вахтиным и др. Можно сказать, что он вернулся в благоприятную среду для своего интеллектуального и литературного роста.

С 1972 по 1975 год жил в Таллине, работал корреспондентом газет «Советская Эстония» и «Вечерний Таллин», что вдохновило его на сборник «Компромисс». Набор его первой книги «Пять углов» в издательстве «Ээсти Раамат» был уничтожен по указанию КГБ Эстонской ССР.

Далее в 1976 г. писатель вернулся в Ленинград, был принят в штат журнала «Костер». Он работал и в музее-заповеднике А. С. Пушкина «Михайловское» экскурсоводом, что впоследствии вылилось в повесть «Заповедник». Журналы продолжали отвергать его произведения по идеологическим причинам. Довлатов публиковался в самиздате, а также в эмигрантских журналах «Континент», «Время и мы». В 1976 году из-за этого

был исключён из Союза журналистов СССР. В июле 1978 года Довлатов арестован и задержан на 15 суток по обвинению в тунеядстве, притонодержательстве и распространении нелегальной литературы, через 9 суток был отпущен. «Забрали без повода и выпустили без объяснений» [Довлатов, 2000: Т 3. 96]. Стало окончательно ясно, что печататься на родине невозможно.

Логичным следствием этого стала его эмиграция в Вену, а затем переселение в Нью-Йорк летом 1978 года. Писатель издавал либеральную эмигрантскую газету «Новый американец», с 1980 по 1982 год был ее главным редактором. Жизнь в Америке дала ему идею создания сборников «Иностранка» и «Чемодан», повести «Филиал» и др. Также свобода печати позволила опубликовать все свои произведения, написанные до и после. Несмотря на относительный успех (создание газеты, публикация книг, статьи в «Нью-Йоркере»), у Довлатова было мизерное количество читателей, так как эмигранты это само по себе меньшинство, а в СССР его книги могли привозиться лишь поштучно. Писатель говорит об этом в «Марше одиноких»: «Я уже писал, что работать нам трудно. Рынок узкий, публика инертная. Колбаса идет лучше Набокова» [Довлатов, 2000: Т 2. 422]. То же самое было и с читателями его переведенных произведений: «Глупо было надеяться, что средний американец – Воннегут» [Там же: 389].

Сергей Довлатов умер в возрасте 48 лет 24 августа 1990 года от сердечной недостаточности, в машине скорой помощи по дороге в больницу.

2.2. Довлатов в воспоминаниях современников

Воспоминания знакомых о Сергеев Довлатове схожи. Конечно, в мелких деталях он каждому запомнился чуть другим, чуть «своим», но общее ядро

одинаково: он большой, обаятельный и талантливый. Далее предлагаем рассмотреть его описания знакомыми и друзьями подробнее.

Начнем с одного из самых близких ему людей – Аси Пекуровской, первой жены писателя. Их брак длился с 1960 года по 1968 год, но общались они с 1959 г. до самой его смерти. В 2001 г. она издала книгу «Когда случилось пять С. Д. и мне: Сергей Довлатов глазами первой жены» [Пекуровская, 2001]. В ней А. Пекуровская даёт описания внешности писателя: «разбитая параличом горилла», «гигант», «великан с обманчивой внешностью латино-американской звезды», «короткое тулowiще плотно сидело на гигантских ногах... при этом короткие, детские ручки его либо утопали в мелких карманах уникального в своей единственности твидового пиджака, либо беспомощно и бездельно повисали в воздухе» [Там же]. Интересно, что при этом у него всегда было много поклонниц, и его внешность воспринималась как продолжение личности – брутальной и максималистской. Пекуровская пишет, что и сам «Сережа гордился собой и своим ростом, легко носил свой вес даже когда сильно отяжелел, и сам больше чем что бы то ни было, служил материалом для своего мифотворчества» [Там же]. Например, он любил рассказать, как продавцы, услышав, что у него 47 размер ноги, заверяли, что он единственный такой в своем роде и восхищались. В её воспоминаниях подчеркивается максимум Довлатова во всем: «В физико-гастрономическом обличии Сережа был чемпионом гаргантиюанизма. Он мог съесть ведро сосисок, восемнадцать бутербродов величиной в кирпич, раздуть живот до размеров взрослого ньюфаундленда... Он умел поднять стул за одну ножку на вытянутой руке, при этом убеждая присутствующих в том, что никому в мире не удалось повторить этого эксперимента» [Там же]. Она характеризует его как «щедро одаренного природой от рождения» [Там же]. Характер его она описывает с разных сторон, не обходя и отрицательные качества. Довлатов описывается как застенчивый и ценящий сенсационность, с феноменальной памятью и

репутацией небездельного человека. «Он охотно брал в долг и был так пунктуален по части отдачи, что приводил проницательных друзей в крайнее недоумение» [Там же]. Подчёркивается и его остроумие, граничащее со злой сатирой: «Сережа мог без хвастовства признаться, что в совершенстве постиг искусство нанесения обид друзьям» [Там же]. Также, конечно, отмечаются его особые отношения с русским языком: «Сережа, например, любил во всем насаждать свой “канон”, разумеется, не библейский и даже не отпевальный, а скорее грамматический. Стоило Ане Крот неосторожно обмолвиться словом “сложен”, с ударением на первый слог, вместо “сложЕн”, на нее с двухметровой высоты уже обрушивалось с укоризной: “это дрова слOжены, а человек сложЕн”». Или другой забавный пример: «И как только такое может выговориться: “по срЕдам”, когда у человека так природой все устроено, что ему куда естественнее сказать “по средАм”? Ты что же, друг, на саму природу решил посягнуть?!”» [Там же].

Е.Б. Рейн, русский поэт и прозаик, в своей статье «Несколько слов вдогонку» отмечает, что все его произведения были автобиографичны, так как «его собственная жизнь была абсолютно самодостаточна, и в каком-то смысле она ограничивала, оберегала его от мелкого растекания вовне. Из эмпирического он делал эстетическое» [Последняя книга: Рассказы, статьи, 2001в: 405]. Также говоря о нём, отмечается его профессиональность Ну и, конечно, как и все Рейн говорит о его любви к литературе, свободному цитированию избранных авторов и осознанию слова («это были не смутные разодранные клочки, нет, сюжет проводился изобретательно и отчетливо, характеры обозначались ясно и ярко, реплики стояли на точных местах, были доведены до афоризма, гротеска, пародии» [Там же: 406]) и талант рассказчика («Прежде чем быть записанным на бумагу, этот рассказ состоялся дважды» [Там же: 406]). как дела всей жизни («Ни одной минуты жизни не стану тратить на починку фановой трубы или утюга, потому что у

меня полно литературных Дел, и чтение – это тоже мое литературное дело!» [Там же: 402]).

Литературовед Л.В. Лосев в статье «Русский писатель Сергей Довлатов» отмечает не только его дар как рассказчика (даже в телефонных разговорах – «чудо творилось в телефонной трубке: информация преображалась в рассказ»), но и как слушателя («Довлатов слушал всерьез и похващивал от удовольствия в ударных местах вашего не такого уж умелого рассказа. Он умел поистине художественно слушать») [Там же: 381]. Лосев считает, что у него был врожденный талант: он самых маленьких и скучных людей превращал во что-то занимательное и мог эстетизировать даже пьяных солдат.

Б. Рохлин в своей заметке «Кто отражается в зеркале» отмечает опять же, что мастерство Довлатова дар врожденный. Мало кто умел так экономить слова и осознавать, что простое сложнее витиеватого. Он говорит о том, что «довлатовская проза – проза без утешения и надежды. Но когда хорошо знаешь болезнь, с ней легче бороться. И С. Довлатов находит противоядие. Это – смех. Смех не циничный и разрушительный, а принимающий, вбирающий в себя убожество и дискомфортность мира» [Там же: 410]. Рохлин утверждает, что такая проза не несет в себе оценки, автор не судит героев, а скорее «живет в них и с ними» [Там же: 409].

В.И. Уфлянд, русский поэт, в статье «Утром на “вы”, вечером на “ты”» отмечает традиционализм Довлатова в языке [Там же: 432–433]. Он не пошёл путём изобретения новых слов, а тщательно сортировал свой лексикон, чтобы не допустить дурновкусие. В его прозе Уфлянд восхищается малопредсказуемостью и верой в то, что зло исправимо. Важно, что Довлатов верит людям, но всё же обращается на «Вы», вдруг они не оправдает ожиданий.

П.В. Вайль, русский и американский журналист, в статье «Без Довлатова» говорит об особенности находить во всём смешное, даже в

«Братьях Карамазовых». Отмечаются невероятные способности Сергея Донатовича и как прозаика, и как рассказчика. Подчеркивается интуитивное чувство языка и стиля, его лаконизм («предложения укорачивались прежде всего для того, чтобы повысить удельный вес каждого, чтобы мысль или образ не смешивались с другими, чтобы поставить их на некий пьедестал из заглавной буквы и точки» [Последняя книга: Рассказы, статьи, 2001в: 308]). Вспоминается уже всем известное правило Довлатова: в предложении не должны встречаться слова на одну букву. Вайль даже замечает, что стилистическая правда была дороже фактической, Довлатов мог заменить город или эпоху из-за того, что само слова не подходило. Также он говорит и о его характеристиках как человека, а не писателя: «Сергей проявлял благородную сдержанность в манере одеваться. Он обожал покупать дорогие неброские вещи, но, появляясь в обнове, желал признания, намекал, поворачивался, поводил плечами» [Там же: 308–309], «Довлатов вообще был человек рациональный, практичный, даже педант, день его начинался со списка дел по пунктам с последующим вычеркиванием, и все мы изощрялись в издевательствах, предлагая пунктом четырнадцатым внести: записать пункт пятнадцатый» [Там же: 308], «Донжуанская репутация тешила Довлатова, но он не позволял себе похвальбы, с увлечением рассказывая, как былбит малолетними хулиганами на глазах барышни» [Там же: 309].

В.Б. Кривулин, русский поэт, в статье «Поэзия и анекдот» описывает образ Сергея Донатовича следующим образом: «Коротко стриженный, вылитый “архангел-тяжелоступ”, этот человек казался поразительно похожим на самодвижущийся памятник молодому Маяковскому» [Там же: 376]. Также он подмечает его наблюдательность, которая и помогала ему создать свой собственный жанр романтического анекдота.

В.А. Губин, русский писатель, в статье «Наедине со светом» говорит о Довлатове как о «феномене аккуратности донельзя» [Там же: 343].

Подмечается это в быту и в словесности, он умел не засорять и был самодисциплинирован.

А.Г. Найман, русский поэт и переводчик, в статье «Персонажи в поисках автора» писал: «Он производил впечатление человека, которому доступно все, чего он ни пожелает: любая дружба, любая ответная влюбленность, свобода, деньги, элегантный костюм, беспределная сила, любой талант» [Последняя книга: Рассказы, статьи, 2001в: 390]. Найман отмечает, что он был невероятно талантлив в литературе, а главным талантом была его гармоничность натуры. Довлатов осознавал, что все люди имеют положительные и отрицательные качества, не сравнивал себя с другими в выгодном ему свете и не оправдывал свои недостатки неудачными обстоятельствами или «дрянностью мира» [Там же: 391]. Также отмечается ранимость Довлатова и, что своими книгами он защищался как ширмой.

И.А. Бродский, русский поэт и лауреат Нобелевской премии, в статье «О Сереже Довлатове», написанной после смерти Довлатова, говорит, что писатели не умирают, они навсегда остаются с их читателями. Бродский описывает его человеком гигантского роста, заметным издалека, центром внимания в любом помещении. Он напоминал императора Петра. Возможно, это его тяготило, а потому его манерам и речи была свойственна ироническая предупредительность. «При всей его природной мягкости и добросердечности несовместимость его с окружающей средой, прежде всего – с литературной, была неизбежной и очевидной» [Там же: 299]. Неуспех его в СССР был понятен, Сергей мнил себя как «отдельного человека, не позволяющего навязать себе статус жертвы, свободного от комплекса исключительности» [Там же: 300]. Отмечает Бродский его лаконичность, замечательную стилистику, автобиографичность, и то, что его проза похожа больше на поэзию. От его произведений невозможно оторваться, они написаны совершенно без претензии, а потому читать их легко. Бродский даёт характеристику прозе Довлатова: «ощущение граничащей с абсурдом

парадоксальности всего происходящего – как вовне, так и внутри его сознания – присуще практически всему, из-под пера его вышедшему» [Там же: 297].

А.А. Генис, русский эссеист, в своей книге «Довлатов и окрестности» также пишет о его таланте и прочих положительных чертах, но упоминает и о зависимости Довлатова: «Сергей ненавидел свои запои и бешено боролся с ними. Он не пил годами, но водка, как тень в полдень, терпеливо ждала своего часа. Признавая её власть, Сергей писал незадолго до смерти: “Если годами не пью, то помню о Ней, проклятой, с утра до ночи”» [Генис, 2011: 306].

Таким образом, мы можем судить о том, что впечатления и воспоминания знакомых Довлатова в основном положительные. Все отмечают его талант, умение смешить, высокую грамотность в вопросах языка, внушительный вид и то, как он умел производить впечатление на окружающих. Из негативных черт выделяют его алкоголизм и любовь к довольно жестоко-сатирическому подтруниванию над людьми.

Сам Довлатов всегда говорил о том, что его проза автобиографична. Он легко мог пожертвовать фактами ради эстетики произведений, но в большинстве своем по всему его творчеству можно отследить и его биографию, и биографию его ближнего круга. Возьмём примером его вступление к сборнику «Зона»: «Имена, события, даты – все здесь подлинное. Выдумал я лишь те детали, которые несущественны. Поэтому всякое сходство между героями книги и живыми людьми является злонамеренным. А всякий художественный домысел – непредвиденным и случайным» [Довлатов, 2001а: 5].

Далее мы можем отметить следующие важные черты литературной репутации С.Д. Довлатова, которые выделяются из документов в главе выше и попробуем их подтвердить цитатами из произведений писателя.

1) Физические качества

- Исключительные внешние данные. Он был огромен, внушителен и ярок. Кто-то говорит, что он был совершенно самоуверен и гордился своими данными. Кто-то, что он жил с иронией как раз из-за того, что ощущал собственную нелепость. Можно заключить, что запомнился он как большой человек в жизни и литературе, который не боялся искренностью разрушить свой брутальный образ.

Автор часто упоминает эту черту. В сборнике «Наши» он пишет о том, что это ему передалось наследственно: «Я часто вспоминаю деда, хотя мы и не были знакомы. <...> Жена говорит мне: – Сегодня мы приглашены к Домбровским. Надо тебе заранее пообедать» [Довлатов, 2000: Т 2. 283]. Также он утверждает несоответствие внешности и внутреннего своего наполнения, что рождало в нём постоянное чувство неловкости: «Я был наделен врожденными задатками спортсмена-десятиборца. Чтобы сделать из меня рефлектирующего юношу, потребовались (буквально!) – нечеловеческие усилия. Для этого была выстроена цепь неправдоподобных, а значит – убедительных и логичных случайностей. Одной из них была тюрьма. Видно, кому-то очень хотелось сделать из меня писателя» [Довлатов, 2001а: 220].

- Алкоголизм. Имя Сергея Довлатова тесно связано в читательском сознании с алкоголем. В воспоминаниях знакомые часто упоминают веселения, в которых он принимал участие, а часто даже и был зчинателем. Конечно, это осознается и как зависимость, и как болезнь, и как то, что могло и приблизить его кончину. Главные герои в произведениях всегда также подвержены этому недугу, много страдают от него, но всё же это подается в шуточном ключе: «– Пить надо меньше, – сказал Турунок. – Ладно, – говорю, – мне и здесь неплохо...» [Довлатов, 2000: Т 1. 245].

2) Политические взгляды

- Расхождения с режимом. Это выражается не напрямую, но почти все знакомые отмечают то, что произведения Довлатова не печатались,

работать в советских учреждениях (газетах, журналах) ему было невыносимо и, наконец, его исключили из союза журналистов. В его прозе, конечно, можно увидеть критику Советского Союза: «И еще – лагерь представляет собой довольно точную модель государства. Причем именно Советского государства. В лагере имеется диктатура пролетариата (то есть – режим), народ (заключенные), милиция (охрана). Там есть партийный аппарат, культура, индустрия. Есть все, чему положено быть в государстве» [Довлатов, 2001а: 51].

Попытка быть автономным (особенно в Советском Союзе в 60–70е годы), конечно, усилила негативные санкции. Поэт Иосиф Бродский писал: «Неуспех его в СССР был понятен, Сергей мнил себя как “отдельного человека”» [Последняя книга: Рассказы, статьи, 2001в: 300]. Многие из будущих коллег успели напечататься в годы «оттепели», чем заработали себе какой-то статус, Довлатов же родился не в то время, «опоздал».

Исходя из этого, эмиграция была вынужденной мерой. Писатель как-то сказал в интервью, что это был «несложный выбор между тюрьмой и Нью-Йорком» [Журнал «Слово – Word», 1991]. Хоть Довлатов и довольно неплохо «ужился» в Америке, он всё равно тосковал и не мог писать ни о чём другом, как о родине и людях, которые произошли оттуда. И именно режим лишил его возможности быть на своём месте. Довлатов сравнивал эмигрантов с заключенными: «Тюрьма перестроила его кровообращение, его дыхательный и вестибулярный аппарат. За воротами тюрьмы ему было нечего делать. Он дико боялся свободы и задохнулся, как рыба... Нечто подобное испытываем мы, российские эмигранты. Десятилетиями мы жили в условиях тотальной несвободы. Мы были сплющены наподобие камбалы тягчайшим грузом всяческих запретов. И вдруг нас подхватил разрывающий легкие ураган свободы» [Довлатов, 2001а: 104–105].

3) Творчество и жизнетворчество

- Умение рассказывать. Как отмечает каждый из знатчих его людей, Сергей Донатович был потрясающим повествователем. Он сразу привлекал к себе внимание (тут ещё большую роль играет его внушительная внешность и специфический голос) и завораживал. Сам сюжет был не так важен, ведь главное – это то, как он это преподносил. Этот дар был с ним и в жизни, и на бумаге. В повести «Заповедник» альтер эго Довлатова (главный герой) также чудесный рассказчик: «Я стал водить экскурсии регулярно. Иногда по две за смену. Очевидно, мною были довольны. Если приезжали деятели культуры, учителя, интеллигенция – с ними работал я. Мои экскурсии чем-то выделялись. Например, “свободной манерой изложения”» [Довлатов, 2000: Т 2. 211].

- Актуальность, писатель как символ авторефлексии, самоопределения поколения. Конечно, в его произведениях много интересных наблюдений именно о советской эпохе и людях родом оттуда, но Довлатова в наши дни продолжает читать довольно большая аудитория (и, что важно, не только русских). Это говорит о том, что помимо актуальной повестки дня (критика власти), в его творчестве есть что-то вечное о людях вообще. Публицист Лев Симкин отмечал: «Довлатов сумел сказать что-то очень-очень важное, задев душевые струны сразу нескольких постсоветских поколений, и потому так ими ценится» [Симкин, 2015].

- Отсутствие тиражированности. Довлатова совсем не печатали в СССР, за границей же он был писателем скорее для русских, а это очевидно небольшое количество человек. В «Ремесле» он это описывает так: «Язвительное пророчество Анатолия Наймана сбывалось. Я становился “прогрессивным молодым автором”. То есть меня не печатали» [Довлатов, 2000: Т 3. 43].

- Чувство юмора. Писатель умел находить смешное во всем и «заражал» этим как друзей, так и читателей. Его природная наблюдательность раскрывала самое обыденное с другой стороны: в плохом

он видел не только плохое, но и интересное, в хорошем находил то, что усердно пытались скрыть. Именно смех помогал справиться с несุразностью жизни, из этого и родился его жанр – романтический анекдот. «Можно благоговеть перед умом Толстого. Восхищаться изяществом Пушкина. Ценить нравственные поиски Достоевского. Юмор Гоголя. И так далее. Однако похожим быть хочется только на Чехова» [Довлатов, 2000: Т 4. 168].

- Любовь к русскому языку. Многие из друзей Довлатова вспоминают забавные истории, как он кого-то поправлял, как выходил из себя от того, что кто-то посмел портить чистоту языка. Это не говорит о том, что он был закрыт к новому, просто желал, чтобы это происходило в границах правил (так гораздо сложнее), а не было изобретением новой формой ради шокирования публики. Он чтил законы слова и обожал русскую (и не только) литературу. Интересно, что, несмотря на это, когда он был надсмотрщиком в лагере, он ценил и тот живой язык, ведь главное – это было органично: «Но есть красота и в лагерной жизни. И черной краской здесь не обойтись. Помоему, одно из ее восхитительных украшений – язык» [Довлатов, 2001а: 111].

- Иной взгляд. Вряд ли можно говорить о том, что Довлатов был новатором и свергал устоявшиеся законы литературы. Он не отвергал эталон в виде классического наследия, но полностью отталкивался от типичного советского пафоса. Он писал о том, о чём писать было нельзя, но не в разоблачительной манере, а просто честно и без прикрас. Автор не судил свысока, скорее обращал внимание читателей на определенные моменты жизни: «Итак, самые душераздирающие подробности лагерной жизни я, как говорится, опустил. Я не сулил читателям эффектных зрелищ. Мне хотелось подвести их к зеркалу» [Там же: 195]. Возможно, в его умении проявлять болезненные для всех людей моменты, но не судить за них, была его новизна и привлекательность для читателей. «В нормальных же случаях, как я убедился, добро и зло – произвольны. Так что, упаси нас Бог от

пространственно-временной ситуации, располагающей ко злу...» [Там же: 95].

- Чувство стиля. Все сходятся во мнении, что Сергей Донатович был превосходный стилист. Он тонко чувствовал текст и его звучание (не зря Бродский сравнивает его прозу с поэзией). Его принципом было – лучше меньше, да лучше. Каждое слово взвешено, и поэтому произведения читаются невероятно легко. Можно вспомнить его испытание самому себе: в одном предложении все слова должны начинаться на разные буквы. Возможно, оттого было так обидно, какого качества литература процветала во времена его профессиональных неудач на родине: «Но что же пишут твои современники? У писателя Волина ты обнаружил: "...Мне стало предельно ясно..." И на той же странице: "...С беспредельной ясностью Ким ощущил..." Слово перевернуто вверх ногами» [Довлатов, 2000: Т 2. 182], и какова была средняя литература русского зарубежья: «Лет тридцать назад Боголюбов выпустил сборник рассказов. Я их прочел. Мне запомнилось такое выражение: "Ричарду улыбалась дочь хозяина фермы, на которой он провел трое суток..."» [Довлатов, 2000: Т 3. 108].

- Автобиографизм. Мы уже говорили о том, что это качество выделяли как современники Довлатова, так и сам автор. В каждом своем произведении присутствует он сам, его близкие и весь реально окружавший его мир: «В этой повести нет ангелов и нет злодеев, да и быть не может. Один из героев – я сам» [Довлатов, 2000: Т 1. 235].

2.3. Образ писателя в аннотациях издателей

Для того чтобы определить базовые характеристики литературной репутации Довлатова, обратимся к кратким описаниям его личности и творчества в издательских аннотациях. Как мы помним, П. Бурдье именно

издателя называет ключевым агентом литературного поля – наряду с производителем и потребителем литературы (писателем и читателем), т.к. именно издатель обеспечивает коммуникацию между ними. Аннотация – это «краткое содержание книги, а также его краткая характеристика. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого, место и время издания в номинативной форме» [Мильчин, 2006]. Очевидно, что в аннотации мы увидим только положительные черты книги и автора, так как это часть рекламы, продвижения для издателей. Всё же, для нас кажется важным посмотреть, какие черты творчества или писателя выделяются в аннотациях к произведениям именно С. Довлатова.

Практически в каждом из рассмотренных нами изданий в аннотации говорится о том, что Довлатов – «один из самых популярных и читаемых русских писателей конца XX – начала XXI века» (например, «Зона», издательство «Азбука» 2017 год). Его прозу называют широко известной классикой, сравнивают с Чеховым («Сергей Довлатов говорил, что похожим ему быть хочется только на Чехова. Что ж, оставаясь самим собой, больше, чем кто-нибудь другой из его литературного поколения, он похож сегодня на русского классика» – «Наши», издательство «Азбука» 2001 год), Зощенко и другими известными юмористическими прозаиками («Удивительно смешная и одновременно пронзительно-печальная проза Довлатова давно стала классикой и роднит писателя с такими мастерами трагикомической прозы, как А. Чехов, Тэффи, А. Аверченко, М. Зощенко» – «Жизнь коротка», издательство «Азбука» 2016 год). Отмечают его чувство юмора («...шутки Довлатова запоминаешь сразу и на всю жизнь» – «Филиал», издательство «Азбука» 2013 год) и отсутствие назидательности. Интересно, что часто вместо слов о нём от редактора следуют цитаты о нём, вышедшие из-под пера знаменитых современников: И. Бродского («Он как бы не требует к себе внимания, не настаивает на своих умозаключениях или наблюдениях над человеческой природой, не навязывает себя читателю» – «Сергей Довлатов:

Малое собрание сочинений», издательство «Азбука» 2014 год), Л. Лосева («У Довлатова была гениальность, если использовать это слово не в дурацком смысле литературной табели о рангах, а в прямом значении, – способность к творчеству не благоприобретенная, а врожденная, закодированная в генах» – «Собрание сочинений в 4 т. Т 1», издательство «Азбука» 2000 год), Ф. Искандера («Сергей Довлатов выработал свой почерк, который никогда не спутаешь ни с чьим. Он пишет просто и целомудренно. Кажется, нельзя придумать фразы, которая была бы проще той, что создает он. Только движение души достойно слова, только это стоит делать искусством» – «Встретились, поговорили», издательство «Азбука» 2001 год), К. Воннегута и многих других.

Его автоматически причисляют к классикам, но всё же его авторитет и объяснение о том, почему его книги стоит прочесть, подтверждаются не просто его статусом, а рекомендациями других известных личностей. Если мы вспомним игровые и неигровые кинокартины о Довлатове, то там также сильно влияние фигуры И. Бродского. Ему отводится много экранного времени, на него делается акцент – дружба Довлатова с «закрепленным» классиком как бы добавляет ему веса на литературной арене. Можно предположить, что это говорит о том, что в статусе классика автор все ещё не закрепился, так как вряд ли на книгах А.С. Пушкина или Л.Н. Толстого мы увидим подтверждение их значимости через других лиц, а в фильмах про них – акцент на том, с кем они были знакомы.

2.4. Довлатов как культовый автор

У Сергея Довлатова, как мы уже несколько раз отмечали, проза носит биографический характер. Особенno выделяется его роман «Ремесло», который можно назвать художественными мемуарами. Это не вполне

автобиография, так как многие имена собственные изменены, к тому же, как отмечает А. Генис, жизнь и люди, выходя из-под пера Довлатова, становятся более блестящими, остроумными, лаконичными, чем то было на самом деле [Генис, 2011: 31]. Нам кажется важным, что именно там автор показывает своё понимание литературной репутации и её механизмов. Мы видим неприятие популярности, которая приходит незаслуженно: «Один издатель мне сказал: – Ты жил в Союзе и печатался на Западе. Мог легко угодить в тюрьму или психиатрическую больницу. В таких случаях западные газеты поднимают шум. Это способствует продаже твоей книги. А сейчас ты на воле. И в тюрьму при нынешнем образе жизни едва ли угодишь. Поэтому я откладывают издание твоей книги до лучших времен... Так и сказал – до лучших времен. Это значит, пока я не сяду в американскую тюрьму...» [Довлатов, 2000: Т 3. 170]. Он описывает ситуацию с Джоном Хинкли, который в миг стал известным, совершив покушение на президента Рональда Рейгана, сравнивает его с известными спортсменами и учеными, которые трудятся для этого всю жизнь, и делает неутешительный вывод о мире, в котором мы живём.

Обратимся к классификации авторов Б. Дубина и попытаемся определить, к какому типу литературной репутации относится репутация С. Довлатова. Всего Дубин выделяет 4 типа: классик (признается институционально и передается от поколения к поколению), звезда (характеризуется актуальностью и успешностью), модное имя (откликается на запрос общества) и культовая фигура (выделяется недоступностью, элитарностью). Принимая во внимание всё вышесказанное, мы понимаем, что писатель точно не был зездой или модным именем, а также совсем этого не желал. Можно предположить, что Довлатов ближе всего к культовому автору.

Во-первых, Довлатов был популярным в узких кругах еще при жизни: в Америке его печатали в «Нью-Йоркер» (элитарный журнал), в России

читали самиздатом (доступном не всем). Его относят к эмигрантам третьей волны. Он находится среди таких крупных представителей русской эмиграции, как В. Аксёнов, Г. Владимов, В. Войнович, А. Зиновьев, Ю. Мамлеев, А. Синявский и И. Бродский [Насрутдинова, 2007: 54–60], что уже является включением в группу «изгоев». По поводу этого в мемуарном романе «Ремесло» говорится: «Строжайшая установка на гениальность мешала овладению ремеслом, выбивала из будничной житейской колеи. Можно быть рядовым инженером. Рядовых изгоев не существует. Сама их чужеродность – залог величия» [Довлатов, 2000: Т 3. 44]. Даже его признание, например, Куртом Воннегутом, который написал ему комплементарное письмо, есть не что иное как элитарное выделение.

Во-вторых, весьма характерно, что Довлатов является цитируемым автором. Это можно проследить по тому, как много его фраз стало афоризмами. Именно культовых писателей часто цитируют, так как это не школьное заучивание, а некий показатель того, что человек образован шире, и может поразить общество чем-то необычным. Художник Андрей Бильжо замечает: «Его тексты живут своей жизнью. Разобраны на цитаты. Они превращаются в анекдоты» [Бильжо, 2015]. Приведем примеры известных афоризмов Довлатова:

1. «Мы без конца проклинаем товарища Сталина, и, разумеется, за дело. И все же я хочу спросить – кто написал четыре миллиона доносов?» [Довлатов, 2001а: 94].

2. «— Товарищ капитан, — сказал я, уже, между прочим, девятый час. — А вы, — перебил меня капитан, — служите Родине только до шести?!» [Там же: 158].

3. «— Я не спал, товарищ капитан. Я думал. Больше это не повторится» [Там же: 161].

4. «Я закуриваю, только когда выпью. А выпиваю я беспрерывно. Поэтому многие ошибочно думают, что я курю» [Довлатов, 2000: Т 4. 148].

5. «Нормально идти в гости, когда зовут. Ужасно идти в гости, когда не зовут. Однако самое лучшее – это когда зовут, а ты не идешь» [Там же: 152].

6. «Горбачев побывал на спектакле Марка Захарова. Поздно вечером звонит режиссеру: – Поздравляю! Спектакль отличный! Это – пердуха! Захаров несколько смутился и думает: “Может, у номенклатуры такой грубоватый жargon? Если им что-то нравится, они говорят: “Пердуха! Настоящая пердуха!” А Горбачев твердит свое: – Пердуха! Пердуха! Наконец Захаров сообразил: “Пир духа!” Вот что подразумевал генеральный секретарь» [Там же: 202–203].

7. «В разговоре с женщиной есть один болезненный момент. Ты приводишь факты, доводы, аргументы. Ты взываешь к логике и здравому смыслу. И неожиданно обнаруживаешь, что ей противен сам звук твоего голоса» [Довлатов, 2000: Т 2. 175].

8. «Я столько читал о вреде алкоголя! Решил навсегда бросить... читать» [Там же: 173].

В-третьих, как мы уже говорили, характеристика «культа» это намеренное сужение рамок оценивания, миниатюризация ценного объекта. Практически нигде он не упоминается по имени и отчеству, даже само имя часто «уменьшается». Его называют не Сергей, а Сережа (например, статья И. Бродского «О Сереже Довлатове»). Это исходило от самого Довлатова. Как пишет В.И. Соловьев: «Он никак не мог свыкнуться не только со смертью, но и с возрастом, оставаясь в собственном представлении “Сережей”, как в юности, хоть и подкатывало уже к пятидесяти, до которых ему не суждено было дожить год и несколько дней. Терпеть не мог, когда его называли Сергей, а уж тем более – Сергей Донатович» [Соловьев, 2014: 106].

Здесь уместно обратить внимание на то, что у автора в его сочинениях проявляется некое желание быть приближенным, соучастным классике. Например, в «Ремесле» он рассказывает историю о том, что в детстве к его

маме подошел человек и хотел его, младенца, ущипнуть. Далее Довлатов утверждает, что этот человек был Андрей Платонов [Довлатов, 2000: Т 3. 11]. Также его записные книжки «Соло на Ундервуде» заканчиваются такой строчкой: «Самое большое несчастье моей жизни – смерть Анны Карениной!» [Довлатов, 2000: Т 4. 186]. Вспоминаются тут и сравнения его с Петром Великим, Маяковским, его происхождение из театральной семьи.

Отметим, что наблюдаются некоторые тенденции к становлению Довлатова в качестве классика. Ему поставили памятник (4 сентября 2016 года в Санкт-Петербурге скульптора Вячеслава Бухаева [Радио «Свобода». 04.09.2016]), в его честь открыли мемориальную доску (3 сентября 2007 года в Санкт-Петербурге художника Алексея Архипова [«Деловой Петербург». 30.08.2007] и назвали улицу (7 сентября 2014 года в Нью-Йорке [«РИА Новости». 08.09.2014]). Осуществляются разнообразные юбилейные мероприятия: ежегодно (начиная с 2016 г.) проводится посвященный писателю фестиваль под названием «День Д» [«Наша версия» 08.08.2017], проходят международные конференции (например, «Довлатовские чтения» [ТАСС. 01.09.2011]). Также произведения писателя переведены более чем на тридцать языков мира и многие из них («Зона», «Чемодан», «Заповедник», «Рассказы») включены в перечень 100 книг, рекомендованных Министерством образования и науки России к самостоятельному прочтению школьниками [Письмо Минобрнауки России от 16.01.2013 г.]. Помимо этого, про Довлатова снимают фильмы как документальные – например, «Написано Сергеем Довлатовым» 2012 г. режиссёра Романа Либерова, так и художественные «Довлатов» 2018 г. режиссёра Алексея Германа мл. Также мы уже говорили о том, что его именуют классиком в издательских аннотациях.

Несмотря на эти показатели скорее классического автора, его так и не закрепили в этом статусе. Довлатов не включен в школьную и университетскую программу для обязательного чтения, до сих пор его

творчество и образ исследуется в малом количестве научных работ, многие его художественные особенности до конца не разобраны. К тому же можно увидеть, каким он представляется в современном мире по памятнику (он, кстати, всего один) – небрежный, простой, расслабленный человек, и в кинематографе – перед нами прямолинейный, ироничный, неугодный власти человек с узким кругом друзей и читателей.

Можно предположить, что сама природа текстов Довлатова не даёт ему закрепиться в статусе классика. Учитывая, что одна из главных характеристик его текстов – присутствие юмора и его жанр часто называют анекдотическим, вспомним, что в русской культуре коннотация слова «смех» скорее негативная. Н.В. Гоголь писал в одном из своих драматических отрывков: «Многое бы возмутило человека, быв представлено в наготе своей; но, озаренное силою смеха, несет оно уже примиренье в душу... Но не слышат могучей силы такого смеха: что смешно, то низко, говорит свет; только тому, что произносится супротивным, напряженным голосом, тому только дают название высокого» [Гоголь, 1985: 246]. Если мы говорим о том, что классика это верх творчества, её канонизируют, а авторов сравнивают со святыми, то мы пониманием, что смех деканонизирует. По словам С.С. Аверинцева: «подлежащее “святой” отказывается соединяться со сказуемым “пошутил”, и это потому, что в народном языковом обиходе глагол “пошутить” систематически обозначает деятельность бесов» [Аверинцев, 1993: 341]. Исследователь замечает, что у русского человека существует определенное недоверие к смеху, так как он отменяет социальные нормы, является чем-то стихийным, не согласуется с православием [Там же: 345]. Ещё в середине прошлого века М.М. Бахтин писал о смеховой культуре, о том, как смеховой праздник, карнавал отменял иерархизацию, давал людям фамильярный контакт: «Отметим важную особенность народно-праздничного смеха: этот смех направлен и на самих смеющихся. <...> Народный же амбивалентный смех выражает точку зрения

становящегося целого мира, куда входит и сам смеющийся» [Бахтин, 1990: 17]. Обращая внимание на теорию смеховой культуры Бахтина, отметим, что, возможно, именно это избрал себе Довлатов, особо не любивший иерархичность любого вида, и утверждавший, что люди одинаковы (вспомним его слова о том, насколько похожи зэки и надсмотрщики). Также интересно, что Бахтин говорит про образ тела. Смеху присущ гротескный тип внешности (выше мы описывали как раз такие физические черты Довлатова), он не каноничен по своей природе. Именно смеховая, комическая личность находится напротив привычных устоев, что, вероятно, и не даёт писателю так легко оказаться в каноне.

Добавим ко всему вышесказанному, что именно с постепенным проникновением в массы С. Довлатова, что показательно, в культурном поле стало увеличиваться количество негативных мнений. Например, в 2015 году журнал «Русский пионер» посвятил целый номер Довлатову. Большинство статей были хвалебные, но также отметил и поэт Андрей Орлов (Орлуша), как бы обвиняя писателя то ли в отсутствии фантазии, то ли в постоянном описании частного быта:

Он на каждого взглядом косит,
Он за всеми за нами бдит,
Всё, что видит, Довлатов вносит
    В свой клеёнчатый кондукт.
Он, Довлатов, знает, во сколько
    Я выгуливал Жучку вчера
И со скольких скрипела койка
    В 112-й до утра.
И пока тебе утром спится,
    В час до выгула всех собак
Он, Довлатов, в четыре тридцать
Проверяет мусорный бак [Орлов, 2015].

Там же была напечатана статья Дмитрия Быкова, имевшая большой резонанс: «Они сознают, что Довлатов был и остается в статусе полуклассика, весьма шатком, и статус этот у него появился не благодаря качеству текстов, а благодаря энтузиазму определенной читательской группы <...> Довлатов не напрягает ни себя, ни читателя: это идеальное отпускное чтение, и вред от него, в общем, только один. Это чтение завышает читательскую самооценку. Беда, однако, в том, что Довлатов не только пытается дотянуть анекдот до уровня литературы, но и серьезные, трагические вещи низводит до анекдота. <...> И этот хор обывателей, по-моему, – самая горькая участь, которой может сподобиться писатель в России» [Быков, 2015].

Интересным, нам кажется, и то, что помимо просто неодобрительных слов, например, Дмитрий Быков сам же и отмечает «энтузиазм определенной читательской группы» в возведении Довлатова в статус классика. Обратившись к работе «Подвижник слова: новые материалы о Гоголе» И. Щеглова, мы видим, что в периодизации юбилейных торжеств первый этап вхождения в классики Пушкина как раз основывается на энтузиазме ограниченного круга лиц. «Первый фазис – “эстетический”, когда небольшая кучка поклонников писателя, придаввшись к пятидесятилетию со дня появления в свете одного из выдающихся его произведений, устраивает скромное чествование его памяти к удивлению и нередко, недоумению большинства остальной публики (так это было с пятидесятилетием “Бориса Годунова” и затем “Ревизора”)» [Щеглов, 1909: 143–144]. Далее уже следует «педагогический» фазис, когда произведение входит в школьную программу, и вырастают тиражи, а затем «демократический», когда закрепляются неоспоримые любовь и признание народа. Следует отметить, что в своём негативном отзыве, возможно, сам того не замечая, Быков обозначает предпосылку к восхождению Сергея Довлатова на писательский «Олимп».

Подводя итоги, можно заключить, что на данный момент Довлатова следует отнести к культовому автору с тенденцией к становлению классиком.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В биографии С.Д. Довлатова мы видим несколько ключевых сюжетов, из которых складывается его репутация как человека и писателя. Это поступление в ЛГУ, попадание в интеллектуальную среду Ленинграда, служба в армии надзирателем, проживание в Эстонии, работа в заповеднике и, конечно, эмиграция. Каждый из этих эпизодов дал ему материал для творчества и повлиял как на его взгляды, так и на его репутацию.

Проанализировав воспоминания и мнения современников Довлатова, мы можем сказать, что отношение к нему было в большинстве своём положительное. Особенно выделяют такие характеристики Довлатова, как умение рассказывать, чувство юмора, любовь к русскому языку, отсутствие осуждения и разоблачительности, чувство стиля, автобиографизм, символ авторефлексии и самоопределения поколения, расхождение с советским режимом, яркие физические качества (исключительные внешние данные, алкоголизм). Каждому из признаков мы нашли подтверждение и в художественных произведениях Довлатова, которые, как известно, он всегда писал по своей жизни.

Обращаясь к классификации литературной репутации Б. Дубина, мы видим, что в современности Довлатов воспринимается как культовый автор благодаря таким признакам, как популярность в узких кругах, высокая цитируемость, миниатюризация ценного объекта (отрицание полного имени). Также выявлено, что он имеет тенденцию к становлению классиком. Мы видим это по артефактам почитания, массовому переводу произведений, включению в список 100 рекомендованных книг школьникам к самостоятельному прочтению от Минобрнауки России, наименованию классиком в разнообразных статьях и аннотациях к книгам. Интересным нам видится и резкое появление критики, негативных отзывов, связанных с

ростом статуса писателя, так как довольно часто это являлось предпосылкой у нынешних классиков, когда они только начинали входить в канон.

Хотелось бы отметить, что на сегодняшний день русский канон в большинстве своём состоит из писателей XIX в. и начала XX-го. Для авторов второй половины XX в. попасть в него сейчас более проблематично, так как классика, как правило, опознается лишь из последующей эпохи. Для относительно современных авторов есть один решающий фактор литературного успеха – это Нобелевская премия (Солженицын и Бродский, например, неоспоримо стали классиками). Остальные факторы успеха: насущность поднимаемых тем, красота языка, актуальность не всегда гарантируют закрепление в пантеоне. Автор, признанный современниками, за все эти заслуги это лишь «кандидат» в классики. На данный момент мы можем лишь наметить тенденцию в репутации Довлатова и поставить вопрос о том, что, возможно, сам характер литературного реноме писателя-«анекдотчика» помешал ему попасть в канон, возможно, что смех и юмористическое начало деканонизируют автора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей бакалаврской работе был проведен анализ процесса формирования литературной репутации С.Д. Довлатова. В начале первой главы мы систематизировали современные научные представления об образе автора. Все исследователи склоняются к тому, что в каждом произведении мы видим личность писателя, и это скорее непроизвольный процесс. В дальнейшем, как мы отметили, эти мысли получили своё развитие в изучении литературной репутации. Впервые этот термин появился в 1928 г., когда И.Н. Розанов издал свою работу «Литературные репутации». В ней литературовед говорит о том, что необходимо выявить факторы, которые создают репутации, их социологические причины и составить классификацию. Активная работа в этом направлении началась только в последние 30 лет. Мы опирались на исследования по социологии литературы и труды по поэтике бытового поведения. Ученые отмечают, что не только читатели могут влиять на создание репутации, но и сами писатели. Наиболее удачным нам кажется определение А.И. Рейтблата: «Литературная репутация – это представления о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы, свойственные значительной части ее участников (критики, литераторы, издатели, книготорговцы, педагоги, читатели); в свернутом виде характеристика и оценка творчества и литературно-общественного поведения писателя» [Рейтблат, 2001: 52].

Проследив закономерности создания литературных репутаций, мы узнали, что статус автору может создать как какой-либо институт власти, так и обычные читатели. Современники писателя чаще всего не могут знать, войдет ли он в историю, так как становление репутации это вопрос времени и сохранения актуальности. Самый надежный фактор долгосрочного успеха – это талант. Репутация чаще всего стабильна. Далее мы выявили

существующие классификации литературной репутации (Б.В. Дубин, В.Е. Хализев) и остановились на классификации Дубина: классик (признается институционально и передается от поколения к поколению), звезда (характеризуется актуальностью и успешностью), модное имя (откликается на запрос общества) и культовая фигура (выделяется недоступностью, элитарностью) как на наиболее полной.

Во второй главе мы выявили в биографии и творчестве Довлатова основные события и обстоятельства, повлиявшие на создание его литературной репутации (поступление в ЛГУ, попадание в интеллектуальную среду Ленинграда, служба в армии надзирателем, проживание в Эстонии, работа в заповеднике, эмиграция). Проанализировав мнения современников, нам удалось выделить общее и уникальное в характеристике писателя: умение рассказывать, чувство юмора, любовь к русскому языку, отсутствие осуждения и разоблачительности, чувство стиля, автобиографизм, символ авторефлексии и самоопределения поколения, расхождение с советским режимом, яркие физические качества (исключительные внешние данные, алкоголизм)). Благодаря такой характеристике, как автобиографизм, мы посчитали возможным, подкрепить каждый пункт цитатами из художественных произведений автора, которые подтверждают то, что и сам писатель выстраивал собственный образ именно так. После вынесения предположения, что Довлатов – культовый автор, мы проанализировали способы создания авторской репутации и сформулировали основные его слагаемые на данный момент. Во-первых, Довлатов был популярен в узких кругах ещё при жизни, печатался в элитарных журналах, входил в список эмигрантов третьей волны. Это близко к культу антиколичества, включения в группу «изгоев». Во-вторых, Довлатов цитируемый автор, его проза афористична. В-третьих, можно сказать про миниатюризацию объекта, он не упоминается по отчеству, а чаще просто по варианту имени – Серёжа. Наблюдается тенденция к становлению Довлатова

классиком (памятник, мемориальные доски, фильмы про его жизнь, именование улиц в честь него, юбилейные мероприятия, включение в перечень 100 книг, рекомендуемых школьникам, перевод более чем на 30 языков мира и наименование уже состоявшимся классиком на аннотациях к его произведениям). Также было отмечено, что именно с постепенным проникновением в массы С. Довлатова в культурном поле стало увеличиваться количество негативных мнений. Мы заключили, что это можно назвать одной из предпосылок к становлению классиком, так как вхождение в канон чаще всего основывается на энтузиазме ограниченного круга лиц и характеризуется появлением противодействия, оппозиции.

На данный момент классический статус С. Довлатова можно назвать только тенденцией, так как его до сих пор нет в перечне обязательной литературы для школьников и студентов, а в искусстве его отображают не с пафосом, свойственным классику, а, скорее, простым человеком, который не может найти своё место в мире. На наш взгляд, именно юмористическое начало, смеховая природа произведений и литературной репутации деканонизируют Довлатова и мешают ему войти в канон. Можно заметить, что на прижизненном этапе формирования репутации автора его с уверенностью можно отнести к культовой фигуре, на посмертном этапе репутация начинает меняться в сторону писателя-классика. Подводя итоги, мы делаем вывод о том, что на данный момент С.Д. Довлатов относится к культовым авторам с тенденцией к становлению классиком.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С.С. Бахтин и русское отношение к смеху. От мифа к литературе: Сборник в честь 75-летия Е. М. Мелетинского. М.: Изд-во РГГУ, 1993. С. 341–345.
2. Антипина З. С. Василий Каменский: основы формирования литературной репутации // Вестник Адыгейского государственного университета. 2009. № 4. С. 18–22.
3. Арьев А.Ю. О Довлатове: «Он просто хотел печататься» [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://www.bbc.com/russian/features-37261325> (дата обращения: 10.03.2018).
4. Арьев А.Ю. Сергей Довлатов // Довлатов С. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. СПб.: «Азбука», 1999. 496 с.
5. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
6. Бахчанян В., Довлатов С., Сагаловский Н. Демарш энтузиастов. Париж: Синтаксис, 1985. 160 с.
7. Белинский В.Г. Русская литература в 1843 году // Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. М.: ОГИЗ, ГИХЛ, 1948а. С. 571–625.
8. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года. Статья первая // Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. М.: ОГИЗ, ГИХЛ, 1948б. С. 766–801.
9. Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая // Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. М.: ОГИЗ, ГИХЛ, 1948в. С. 495–536.
10. Белинский В.Г. Письмо Н.В. Гоголю // Н.В. Гоголь в русской критике: сборник статей. М.: Художественная литература, 1953. С. 243–252.

11. Белинский В.Г. Опыт истории русской литературы // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 9. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 144–169.
12. Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: НЛО, 2000. 352 с.
13. Берелович А. Я. Как строятся культовые фигуры в позднесоветское время // Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 452–457.
14. Бестужев-Марлинский А.А. Путь до города Кубы // Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 179–201.
15. Бильжо А. Ртуть. Русский пионер. [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://ruspioneer.ru/cool/m/single/4782> (дата обращения: 20.04.2019)
16. Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен. М.: НЛО, 2017. 672 с.
17. Богомолов Н.А. Литературная репутация и эпоха // Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М.: НЛО, 1995. 368 с.
18. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
19. Быков Д. Компромисс. Русский пионер. [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://ruspioneer.ru/cool/m/single/4756> (дата обращения: 20.04.2019)
20. В Петербурге установлена мемориальная доска в честь Сергея Довлатова. [Электронный ресурс] // Newsru.com. 2007. URL: https://www.newsru.com/cinema/03sep2007/dovlatov_board.html (дата обращения: 25.04.2018)
21. Виноградов В.В. Проблема образа автора в художественной литературе // Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. С. 105–211.

22. Генис А.А. Довлатов и окрестности. М.: Астрель: CORPUS, 2011. 736 с.
23. Гиндин С. И. Путь к репутации классика (на примере литературной судьбы Н. А. Некрасова) // Классика и современность. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 196–207.
24. Гитович И. Е. Литературная репутация Чехова в пространстве российского двадцатого века: реальность и аберрации (К постановке вопроса) // Dziello Antoniego Czechowadzisiaj. Studia Rossica. № 16. Warszawa, 2005. С. 15–26.
25. Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Литература как социальный институт. М.: НЛО, 1994. 353 с.
26. Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997. 321 с.
27. Доброзракова Г.А. Миры Довлатова и мифы о Довлатове: проблемы морфологии и стилистики. Самара: Поволжский ун-т телекоммуникаций и информатики, 2008. 216 с.
28. О Довлатове. Статьи, рецензии, воспоминания / сост. Е. Довлатова. Тверь: Другие берега, 2001. 224 с.
29. Довлатов С. Жизнь и мнения. Избранная переписка / сост. А Арьев. СПб.: Журнал «Звезда», 2011. 384 с.
30. Довлатов С. Зона: (Записки надзирателя). СПб.: Азбука, 2001а. 224 с.
31. Довлатов С. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, 2014. 640 с.
32. Довлатов С. Наши. СПб.: Азбука, 2001б. 160 с.
33. Довлатов С. Собрание сочинений: в 4 т. СПб.: Азбука СПб, 2000.
34. Довлатов С. Последняя книга: Рассказы, статьи. СПб.: Азбука-классика, 2001в. 608 с.

35. Довлатов С. Жизнь коротка. СПб.: Азбука, 2016. 192 с
36. Довлатов С. Филиал. СПб.: Азбука, 2013. 160 с
37. Довлатов С. Чемодан. СПб.: Азбука, 2017. 160 с.
38. Дубин Б.В. Классик – звезда – модное имя – культовая фигура: О стратегиях легитимации культурного авторитета // Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 324–330.
39. Дубин Б.В. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре: сб. ст. М.: НЛО, 2010. 345 с.
40. Жолковский А. К технологии власти в творчестве и жизнетворчестве Ахматовой // Жизнетворчество в русской культуре 18–20 вв. Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 1998. С. 193–210.
41. Зенкин С.Н. От текста к культу // Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 133–140.
42. Карамзин Н.М. Что нужно автору? // Карамзин Н.М. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2. М.; Л.: Художественная литература, 1964. С. 120–122.
43. Катаев В.Б. К постановке проблемы «образа автора» // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1966. №1. С. 40.
44. Крошнева М. Е. Теория литературы: учебное пособие. Ульяновск: УлГТУ, 2016. 119 с.
45. Лапшин И.И. Художественное творчество. Петроград.: Мысль, 1922. 332 с.
46. Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. С. 365–376.
47. Луцевич Л.Ф. Авторрецепция как попытка формирования литературной репутации в «Авторской исповеди» Николая Гоголя //

Творчество Гоголя и русская общественная мысль. Тринадцатые Гоголевские чтения: сб. науч. ст. М.; Новосибирск: Новосибирский изд. дом, 2013. С. 176 –184.

48. Макарова В.Ф. Комическое в татарской прозе XX века: автореф. дис ... д-ра филол. наук: 10.01.02. Казань, 2014. 52 с.

49. Машковцева Л.Ф. Иосиф Бродский: формирование литературной репутации: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 199 с.

50. Мельников Н.Г. «Творимая легенда» Владимира Набокова. О «литературной личности» писателя // Русская словесность. 2003. №1. С. 11–20.

51. Мильчин А.Э. Издательский словарь-справочник. М.: ОЛМА-Пресс, 2006.

52. Мотыгина Ж.Ю. Творческая индивидуальность Сергея Довлатова. Астрахань: Астраханский ун-т, 2006. 124 с.

53. Насрутдинова Л. Х.Литература русского зарубежья: учеб.-метод. пос. для студентов-филологов. Казань: Казанский государственный ун-т, 2007. 72 с.

54. Наша версия. В Санкт-Петербурге состоится очередной фестиваль, посвященный творчеству Сергея Довлатова [Электронный ресурс]. 2017. URL: <https://versia.ru/v-sankt-peterburge-sostoitsya-ocherednoj-festival-posvyashennyj-tvorchestvu-sergeya-dovlatova> (дата обращения: 25.04.2018)

55. Носов Н.Н. Сергей Довлатов: «Чемодан» зарубежных русскоязычных публикаций // Обсерватория культуры. 2017. №14(1). С. 101–107.

56. Огрызко В.В. Создатели литературных репутаций: русские критики и литературоведы XX века: Судьбы и книги. М.: Литературная Россия, 2017. 697 с.

57. Орлов А. Тайный чемодан Довлатова. Русский пионер. [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://ruspioneer.ru/cool/m/single/4778> (дата обращения: 20.04.2019).
58. Орлова Н.А., Петренко А.Ф. Семиотические и фольклорные модели смехового мира Сергея Довлатова. Пятигорск: ПГЛУ, 2011. 168 с.
59. Большая российская энциклопедия: в 30 т. / Председатель науч.-ред. совета Ю.С. Осипов Т. 9. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. 767 с.
60. Паперно И. Пушкин в жизни человека Серебряного века // Cultural Mythologies of Russian Modernism. From the Golden Age to the Silver Age. Berkeley, Los Angeles, Oxford, 1992. С. 19–51.
61. Пастернак Б.Л. Ветер // Пастернак Б.Л. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1989. С. 98.
62. Пекуровская А. Когда случилось петь С.Д. и мне. [Электронный ресурс]. 2001. URL: <http://lib.ru/MEMUARY/PEKUROVSKAYA/dovlatov.txt> (дата обращения: 25.04.2018).
63. Писатель в эмиграции. [Электронный ресурс] // Журнал «Слово – Word». 1991. № 9. URL: <http://www.sergeidovlatov.com/books/slovo.html> (дата обращения 15.04.2019).
64. Плюханова М.Б. К проблеме генезиса литературной биографии // Труды по русской литературе и семиотике Тартуского Университета 1958–1990. Тарту: Компу, 1991. С. 122–133.
65. Радио «Свобода». В Петербурге прошла церемония открытия памятника Сергею Довлатову. [Электронный ресурс]. 2016. URL: <https://www.svoboda.org/a/27966317.html> (дата обращения: 24.04.2018).
66. Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: НЛО, 2001. 336 с.

67. Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографии, социологии и истории литературы. М.: НЛО, 2014. 400 с.
68. РИА Новости. Вдова Довлатова рассказала о присвоении улице в Нью-Йорке его имени. [Электронный ресурс]. 2014. URL: <https://ria.ru/culture/20140907/1023106866.html> (дата обращения: 25.04.2018)
69. Розанов И.Н. Литературные репутации. М.: Советский писатель, 1990. 464 с.
70. Россия – Культура. В Петербурге открываются Дни Довлатова. [Электронный ресурс]. 2011. URL: https://tvkultura.ru/article/show/article_id/9742/ (дата обращения: 25.04.2018).
71. Салтыков-Щедрин М.Е. Стихотворение Фета // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1967. С. 383–387.
72. Сальмон Л. Механизмы юмора. О творчестве Сергея Довлатова. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 255 с.
73. Симкин Л. Быков против Довлатова [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://snob.ru/profile/26400/blog/97430?v=1441282205> (дата обращения: 20.04.2019).
74. Соколов А.Н. Теория стиля. М.: Искусство, 1968. 224 с.
75. Соловьев В., Клепикова Е. Быть Сергеем Довлатовым. Трагедия веселого человека. М.: Рипол Классик, 2014. 480 с.
76. Сухих И.Н. Сергей Довлатов. Время, место, судьба. СПб.: Азбука, 2010. 288 с.
77. Сухих И.Н. Структура и смысл: Теория литературы для всех. СПб.: Азбука, 2016. 541 с.
78. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 47. М.: Художественная литература, 1937. 617 с.

79. Тынянов Ю.Н. Литературная эволюция. Избранные труды. М.: Аграф. 2002. 496 с.
80. Хализев В.Е. Литературные иерархии и репутации. Колебания литературных репутаций. Бездостные и забытые авторы и произведения // Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. С. 78–89.
81. Хандарова О.В. Формирование литературных репутаций: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2015. 173 с.
82. Черновская М. С. Основные направления зарубежной социологии литературы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 54. № 1. С. 178–190.
83. Шкловский В.Б. Розанов // Шкловский В.Б. Гамбургский счет. М.: Советский писатель, 1990. С. 120–139.
84. Шмид В. Нarrатология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
85. Щеглов И.Л. Подвижник слова: новые материалы о Н.В. Гоголе. СПб.: Мир, 1909. С. 143–144.
86. Щербенок А. Деконструкция и классическая русская литература: От риторики текста к риторике истории. М.: НЛО, 2005. 232 с.
87. Ямпольский М. Литературный канон и теория «сильного» автора. [Электронный ресурс] // Иностранный литература. 1998. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/12/iamp.html> (01.05.2018).
88. Morson G.S. The Anomaly of Russian Literature // Literature and history: Theoretical problems and Russian Case Studies. Stanford University Press, 1986. Р. 14–33.

РЕФЕРАТ

Тема бакалаврской работы – «Литературная репутация С. Довлатова: этапы формирования, авторские стратегии, культурные механизмы». Выпускная квалификационная работа представлена в объеме 62 страниц, включает в себя список использованной литературы, состоящий из 88 источников.

Ключевые слова: ДОВЛАТОВ, РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА, ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ БИОГРАФИЯ, КУЛЬТОВЫЙ АВТОР, КЛАССИЧЕСКИЙ АВТОР.

Цель: всесторонне исследовать процесс формирования литературной репутации С. Довлатова.

Задачи: 1) систематизировать современные научные представления об образе автора, 2) исследовать понятие «литературной репутации», 3) выявить существующие классификации литературной репутации, 4) проследить закономерности создания литературной репутации Довлатова, 5) выявить в биографии и творчестве Довлатова основные жизнетворческие жесты, события и обстоятельства, повлиявшие на создание его литературной репутации, 6) проанализировать мнения современников, выделить общее и уникальное в характеристиках писателя, 7) определить жизнетворческие стратегии и культурные механизмы, повлиявшие на статус писателя, 8) проанализировать способы создания авторской репутации у С. Довлатова, 9) сформулировать основные слагаемые литературной репутации Довлатова на данный момент.

Актуальность исследования обусловлена тем, что данная работа строится на пересечении таких научных направлений, как социология литературы [Дубин, 2010; 2011; Зенкин, 2011], семиотика бытового поведения [Лотман, 1992; Рейтблат, 2001] и современное довлатоведение [Доброзракова, 2008; Мотыгина, 2006; Орлова, Петренко, 2011].

Основные выводы и результаты исследования.

1. На данный момент Довлатов является культовым автором с тенденцией к становлению классиком.

2. Основные события и обстоятельства, повлиявшие на создание литературной репутации Довлатова – это поступление в ЛГУ, попадание в интеллектуальную среду Ленинграда, служба в армии надзирателем, проживание в Эстонии, работа в Пушкинском заповеднике, эмиграция.

3. Главные характеристики образа Довлатова, из которых складывается его литературная репутация, – умение рассказывать, чувство юмора, любовь к русскому языку, отсутствие осуждения и разоблачительности, чувство стиля, автобиографизм, символ авторефлексии и самоопределения поколения, расхождение с советским режимом, яркие физические качества (исключительные внешние данные, алкоголизм).

4. Признаки принадлежности Довлатова к культовым авторам: популярность в узких кругах, высокая цитируемость, миниатюризация ценного объекта (отрицание полного имени).

5. Тенденции для потенциального включения Довлатова в пантеон русских классиков: артефакты почитания, массовый перевод произведений, включение в список 100 рекомендованных книг школьникам к самостоятельному прочтению от Минобрнауки России, наименование классиком в разнообразных статьях и аннотациях к книгам.

6. Фактор, который мешает Довлатову получить статус классика, это юмористическое начало: смех деканонизирует автора.

Перспективы дальнейшего исследования: 1) изучение причин роста статуса писателя после его смерти, 2) исследование трансформации литературной репутации в миф, 3) влияние литературной репутации Довлатова на творчество его современников и авторов последующих поколений.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра журналистики и литературоведения
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ЖИЛ
Анисимов К.В. Анисимов
«01» июня 2019 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ С. ДОВЛАТОВА:
ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ, АВТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ,
КУЛЬТУРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ**

Выпускник

Киселёва А.М. Киселёва

Научный руководитель

Анисимова д-р филол. наук, доц. Е.Е. Анисимова

Нормоконтролер

Баженова Я.В. Баженова

Красноярск 2019